

УДК 327

ПАРАДОКС СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

© 2016 г. **К.В. Козлов***

Статья поступила в редакцию 28.10.2015.

В статье рассмотрен феномен «парадокса силы», действующий во внешней политике США на протяжении последних десятилетий. Чем объяснить, что могущественная страна, имеющая огромный арсенал внешнеполитических аргументов, не обладает достаточно эффективной силой для достижения реальных побед и получает взамен череду поражений (Вьетнам, Ирак, Афганистан)? В зеркале неудач переплетаются внутренние и внешние факторы развития США, в том числе проблемы разума и «разумной силы» в силовой политике хаоса. Осмысление сути парадокса силы требует многостороннего вдумчивого подхода.

Ключевые слова: *внешняя политика США; парадокс силы; Дж. Най; «мягкая сила»; «умная сила»; «разумная сила»; концепция «умной силы»; стратегия «умной силы»; сила и разум в мировой политике.*

На фоне государственного становления США в русле стратегического курса глобального лидерства явно прослеживается трансформация концепции силы: от «внутренней экспансии» в XVIII–XIX веках, к внешней жёсткой силе в XX веке, до стремящейся к интеллектуальности на рубеже XXI века и вырастающей сегодня в глобально-гибридную силу или коллективную стратегию «умной силы». В такой последовательности трансформации силы проявляются исторические корни, политические, идеологические и концептуальные особенности развития США.

Исследование проблематики силы во внешней политике США, изучение в ней категорий «разума» и «разумной силы», действующего феномена «парадокса силы», занимает значительное место в трудах Дж. С. Най-мл^{**}, который

* Козлов Корней Викторович – аспирант, соискатель учёной степени кандидата политических наук ИСКРАН. Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (korneykozlov@gmail.com).

** Джозеф С. Най-мл. – американский политолог и видный учёный, один из ведущих теоретиков в сфере исследования американской внешней политики, разрабатывающий ряд направлений в рамках неолиберализма. Профессор Школы государственного управления им. Кеннеди (*Kennedy School of Government*) при Гарвардском университете; член Американской академии искусств и наук (*American Academy of Arts and Sciences*), Академии дипломатии, исполнительного комитета Трёхсторонней комиссии (*Trilateral Commission*). Возглавлял Международный институт стратегических исследований (*International Institute for Strategic Studies*), входит в редколлегии журналов «Форин полиси» и «Интернэшнл секьюрети». Дж. Най занимал высокие государственные посты: в 1977–1979 гг. – помощник заместителя госсекретаря по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, председатель группы Национального совета безопасности по вопросам

на протяжении четверти века вносит заметный теоретический вклад во внешнюю политику страны. В интеллектуальных трудах, развивающих теорию силы, Дж. Най, исходя из концепции «жёсткой силы» (*hard power*) и делая акцент на «мягкой силе» (*soft power*), объединяет их в комбинированную «умную силу» (*smart power*), которая на современном уровне преобразуется в гибридную стратегию «умной силы» (*smart power strategy*), материализуясь в глобально-универсальный инструмент властного мирового доминирования США. Однако мировые проблемы, и это становится всё очевиднее, не решаются только силой. Обострение ситуации на мировой шахматной доске отражает глобальное противоборство Запада (США, страны НАТО) и новых центров сил (Китай, Россия, БРИКС, ШОС), в котором на передовых рубежах идёт реальное столкновение категорий «силы» и «разума».

Джозеф С. Най-мл. и его «умные теории»

В центре научного внимания Дж. Ная – внешнеполитические проблемы, связанные с глобализацией и универсальной взаимозависимостью, вооружениями и распространением ядерного оружия, политикой США в отношении Азии (особенно Китая и Японии), а также вопросы управления и власти как внутри государства, так и на мировой сцене в условиях глобализации и информационной революции. В Школе им. Кеннеди Най инициировал научный проект «Система управления для XXI века» в целях исследования причин изменения роли правительств в политике и выработки соответствующих рекомендаций.

По мнению Дж. Ная, в современном мире растёт недоверие не только к правительствам наций-государств, но и к социальным и политическим институтам из-за демистификации власти; изменения баланса между либертариистскими (защищающими приоритет индивида, его прав и свобод) и коммунитаристскими (отстаивающими интересы отдельных сообществ или общества и его структур в целом) ценностями в пользу первых; низкой эффективности государственного вмешательства в экономику и т.д.

Именно Дж. Най ввёл в научный оборот понятие «мягкая сила», которое разрабатывалось им ещё с конца 1980-х годов и стало одной из значимых концепций в мировой политике, экономике и дипломатии. Именно «мягкая сила» стала одним из аргументов американской внешней политики, дипломатии и культуры – принуждение под маской привлекательности [10]. Особую актуальность концепция «мягкой силы» приобрела после вторжения США в Ирак, когда неудача США в этой военной кампании стала очевидной. Сам Дж. Най выступал с позиций сторонника расширения применения «мягкой силы» во внешней политике США. Одно из наиболее значимых объяснений состояло в том, что действия Соединённых Штатов постепенно приобретали всё более ярко выраженный характер жёсткой силовой политики, при которой администрация президента всё меньше считалась с мнением даже своих близких партнёров и союзников. Эти тенденции, вызванные, по терминологии Дж. Ная,

нераспространения ядерного оружия; в 1993–1994 гг. – председатель Национального разведывательного совета; в 1994–1995 гг. – заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности.

всё возрастающим применением «жёсткой силы» усилились настолько, что внешнеполитический курс США стал подвергаться резкой критике. В результате таких односторонних действий морально-политический авторитет США на международной арене стал неуклонно падать. Это не могло не беспокоить администрацию Дж. Буша-мл. и требовало определённых действий. Меры были приняты, но довольно своеобразные и половинчатые, поскольку администрация Дж. Буша-мл. рассчитывала, что престиж США удастся поднять всего лишь за счёт использования мер, которые, согласно концепции Ная, можно было бы отнести к «мягкой силе». При этом не предполагалось никаких кардинальных изменений в генеральном внешнеполитическом курсе, основанном на «жёсткой силе». Возможно, всё это подтолкнуло Дж. Ная к тому, чтобы попытаться разобраться в этом «парадоксе силы».

В результате своих исследований, размышлений и наблюдений Най приходит к пониманию того, что ни «жёсткая сила», ни «мягкая сила» разрозненно, поодиночке, не смогут принести желаемых долгосрочных результатов, и учёный выдвигает новую теорию – концепцию «умной силы». Ещё в 2004 г. Дж. Най, развивая понятие «мягкая сила», указывал на иллюзорность надежд на то, что можно вести эффективную внешнюю политику, используя только «мягкую силу», и определял значение «умной силы» как способность преобразовывать ресурсы «жёсткой» и «мягкой» сил в эффективные стратегии. «Мягкая сила» может быть плохой или хорошей, в зависимости от того, как её использовать. В отличие от «мягкой», «умная сила» оценочна и её оценка встроена в определение. «Умная сила» доступна не только США, но и другим государствам и даже негосударственным игрокам [7]. Важно отметить, что определяющую роль здесь играет разум, отсутствие или просто нехватка которого обычно ведёт к непредсказуемым последствиям.

В трудах Дж. Ная исследуется и развивается теория силы во внешней политике страны, которой присуща последовательная трансформация: от жёсткой к мягкой, затем к умной, интеллектуальной и глобальной силе. Так, концепция «умной силы», интегрирующая полный набор компонентов мощи, власти, привлекательности переходит на новый уровень в теоретическом развитии и практической реализации – в глобальную стратегию, интеллектуально оптимизирующую все виды многомерной гибридно-синтетической «умной силы» (*smart power strategy*). В представлении автора – это фундаментальная теория американской власти XXI века или властная сила будущего Америки [9]. Кроме того, соединение вопросов теории и практики внешнеполитического развития США на мировой политической арене в XXI веке отражено в актуальных размышлениях новой книги Дж. Ная «Завершён ли американский век?» [8].

Парадокс силы в американской внешней политике

Соединённые Штаты Америки, самое мощное государство с огромными военными, финансовыми, технологическими возможностями, стремятся любой ценой на максимальный срок утвердить своё первенство в международных отношениях. Таково ключевое содержание американской политики. Опасность добавок заключается в том, что США чувствуют себя вправе применять лю-

бой арсенал внешнеполитических средств и инструментов, даже самых рискованных, и зачастую принимают решения, которые не приводят к победам. Сила реально существует, но эффективно применять её не получается. Именно в этом и состоит «парадокс силы»: сила есть, а побед нет, затраты на военные нужды огромны, а результаты мизерны. В чём же кроются причины «парадокса силы» в американской внешней политике? Ответ совсем не очевиден, иначе был бы давно найден, но подходить к вопросу феномена «силы» нужно с разных сторон.

1. *Самонадеянность силы.* Уместно напомнить пророческие слова У. Фулбрайта из его книги «Самонадеянность силы», где ставился вопрос о том, что чрезмерная ставка на силу очень многое меняет во внешнеполитическом мышлении, делая крен в сторону вседозволенности критически опасным. При этом главный вывод этого одного из основополагающих трудов по вопросам внешней политики заключается в том, что «самонадеянность подрывает самые основы политики и имиджа США в мире». В своё время этот тезис стал настоящим прорывом на пути к отказу от ставки исключительно на силовые методы достижения целей США, и в конечном счёте содействовал переходу к политике разрядки международной напряжённости [5]. В сущности, о том же предупреждал лорд Дж. Актон – английский историк и политический деятель: «Любая власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно».

В реальности старое мышление, основанное на проблеме управления силой, долго оставалось инерционным и после окончания «холодной войны» никуда не ушло; свойственные ему подходы живы и сейчас. Однако теперь изменилась уже сама среда: приходят новые люди с новым мышлением, наступает новый этап развития. И причины тому – время и эволюция развития общества. Давая оценку этой грани парадокса силы, нужно отметить следующее. Без сдерживающего противовеса и человек, и государство не в состоянии объективно оценить себя со стороны, поэтому самонадеянность силы чревата односторонностью действий, шаблонностью мышления, необъективностью анализа ситуации, недооценкой противника, отсутствием взвешенности решений. Расплачиваться за всё это приходится ошибками, просчётами, упущенной победой.

2. *Американоцентризм.* Доктрина «предопределения судьбы» («*Manifest destiny*»), ставшая важнейшей идеологической основой американского превосходства над другими народами планеты, их «богоизбранности» была сформулирована в США ещё в 1845 г. Наличие абсолютной уверенности в своём превосходстве, свойственное всем, даже политически безразличным, ныне тотально проявляется в общественном мировоззрении – американоцентризме.

Американское «мироцентрие» определяет миропорядок в «американском доме», т.е. во всём мире, который Вашингтон считает сферой своих жизненных интересов. Изоляционизм с идеей замкнуть на себя Западное полушарие («доктрина Монро») не посягал на вселенский охват, концепции это не предполагали. Идея «Пакс американа» стала зреть в умах американских интеллектуалов после Второй мировой войны, но тогда «мироцентрие» США ещё оставалось мечтой. Американоцентризм начал процветать лишь с распадом Советского Союза. Всё, что из России, Германии, Японии, Китая кажется американской экспансией, расширением сферы контроля, американцами видится иначе. Они просто наводят порядок в «американском доме». Из любого внешнеполитического доку-

мента очевидно, что сферой американских интересов в Вашингтоне считают практически весь мир. Никакой другой стране, согласно американским воззрениям, не полагается иметь военно-политические интересы в Западном полушарии, Северной Америке и даже на Ближнем и Среднем Востоке. Американцы терпят факт наличия у Китая и России собственных стратегических интересов лишь в непосредственной близости от границ этих государств. Но попытки Москвы и Пекина создать там зоны своего исключительного влияния воспринимаются Вашингтоном как противоречащие его интересам.

Одна из черт американского политического мировосприятия – идея «свободы Америки», которая подразумевает её право действовать по своему усмотрению. Внешняя политика администрации Дж. Буша-мл. выстраивалась именно в русле идеи понимания свободы как политики односторонних действий, что в сочетании с комплексом «исторического предназначения» позволяет США нести «свет и торжество демократии» всему миру. Идея демократизации мира по американскому образцу, стремление «обратить в демократию» против воли обращаемых – особая черта американского мировосприятия. Демократизация фактически представляет идеологию национализма в его своеобразной, надэтнической, государственнической форме. Американцы верят в полезность демократии и искренне убеждены, что, бомбя Сербию, Ирак, Ближний Восток, они несут народам благо «освобождения от тирании» [1].

Сегодня американоцентризм или американская исключительность, превосходство американской нации, мессианство, глобализм очевидно препятствуют объективному подходу и решению проблем с учётом всех действующих лиц, упрощают целостный взгляд на развитие мира. По сути, это софистика, подмена понятий, стереотип мышления нации, надгосударственный национализм. А в сочетании с государственным высокомерием американоцентризм – опасная идея, ведущая страну в тупик, поскольку она сродни опасной философии Ф. Ницше о сверхчеловеке.

Истины общеизвестны: *«Все нации равны, взаимосвязаны с территорией проживания и временно отличаются лишь степенью своего развития. Все народы – часть единого целого, должны жить в мире и согласии, хотя у каждого есть своя миссия»* [6].

3. *Государственный эгоизм.* Его проявление в истории характерно для большинства стран мирового сообщества. Государственный эгоизм США отличается только высокой степенью глобальности и прагматизма корпоративных интересов американского бизнеса. Он прямо проявляется в нежелании договориться, проявить благоразумие, поступиться частью своих интересов ради общечеловеческих ценностей, что особенно ярко наблюдается при решении важнейших мировых проблем в Организации Объединённых Наций, эффективность деятельности которой заметно снизилась в последние годы.

Эгоистические отношения между государствами затрудняют проведение объединённой союзной политики с использованием суммарного потенциала. Подобные подходы обедняют силы, уменьшают шансы на победу, обнажая корыстную причину военных кампаний и экономических санкций, порождая в будущем скрытый глубинный природный протест в недрах завоёванного народа.

4. *«Месть географии»* обнаруживает глубинный эффект, обратный завоевательному. Это явление детально проанализировано в книге «Месть геогра-

фии» Р. Каплана, главного геополитического аналитика центра Стратфор (*Strategic Forecasting*). «После "холодной войны", после объединения Германии, казалось, что все "искусственные разделения" и человеческие разногласия преодолимы, что распространение принципов демократии на Африку и Ближний Восток так же естественно, как на Восточную Европу, что глобализация – просто современная экономическая и культурная стадия развития человечества. Сегодня американский универсализм, заменив собой термин "реализм", позволяет универсалистским идеям доминировать над географическими факторами: положением стран, ландшафтом и историческим опытом людей, живущих на этих территориях. Однако мировая политика зачастую оперирует историческими уроками, прецедентами и аналогиями, которые учат, что зло легче пресечь в зародыше, не дав ему подняться (подобно Гитлеру) и начать угрожать глобальной стабильности. Категория "зла", введённая во внешнеполитический лексикон Соединёнными Штатами, оправдывала вовлечение Вашингтона в Балканский кризис в 1990-е годы, а затем вторжение в Ирак и Афганистан. Ошибки и трудности военных кампаний породили "интеллектуальную противодействующую силу", которая нашла отражение в идее о том, что этническая и религиозная ненависть в мире – это нечто большее, чем просто препятствия на пути американского мессианства, и они могут привести страну к проигрышу и помешать осуществлению самых благих намерений. С точки зрения Вашингтона, Ирак всё испортил, породил "неверный" образ мыслей и подорвал веру в то, что американская мощь всегда преследует только моральные цели, а не корыстный расчёт. Реалии войны в Ираке заставили прийти к осознанию важной истины: география может мстить» [6, р. X].

Таким образом, «мечь географии» как аспект парадокса силы заключается прежде всего в наличии народа, «спянного» с географическим положением во времени и пространстве, т.е. существования взаимосвязанных территорий и народов (наций), развивающихся в окружающей материальной среде, пропитанных культурой, традициями, идеологией, религией, внутренний дух которых активно отторгает вмешательство извне. Отсюда вывод: победить народ на его территории невозможно, можно временно изгнать, переселить, разрушить уклад жизни, завоевать и даже уничтожить, но победить во времени нельзя.

5. *Политическое неразумие.* Справедливости ради следует отметить: важнейшая роль в разработке и формировании умной политики страны по праву принадлежит аналитическим и научно-исследовательским центрам, так называемым «мозговым трестам» (*Think Tanks*), представляющим в США подлинный интеллектуальный потенциал и фундамент исследований в области международных отношений, изучения основных мировых игроков, разработки внешнеполитических идей, стратегии принятия решений. И тут Соединённые Штаты действительно «впереди планеты всей». Ещё недавно обилие «фабрик мысли», огромный спектр их мировоззрений было залогом сбалансированной внешней политики, которую до начала XXI века проводили США, однако сегодня помимо разрозненности в них прослеживается явный перевес прагматической, идеологической и милитаристской составляющих.

К слову, Дж. Най в своих работах, постоянно обращаясь к вопросам проблематики силы во внешней политике, пытается найти ответ на вопрос: «По-

чему США – самое мощное государство в мире, обладающее огромным военно-ядерным потенциалом, имеющее много союзников, не может конвертировать всю свою внешнеполитическую мощь в результат? Как добиться того, чтобы синтетическая сила заработала, как соединить её с разумом либо использовать эту силу в неразрушительных целях?» В теоретических трудах, вносящих лепту в процессы интеллектуализации силовой внешней политики США, Дж. Най упорно ищет разгадку ключевых проблем. Красной нитью в его теориях прослеживается мысль об оптимизации многослойной силы, о попытках сделать её гибкой, разумной, однако до настоящего времени разумный компонент не получает практического воплощения, не переходит из сферы теоретических построений во внешнеполитическую практику страны. Реальность такова, что «умная сила, умная мощь, умная власть» в качестве атрибутов силовой внешней политики присутствуют повсюду, а вот «разумная сила», «разум», «сила разума» просто не востребованы.

Внимательное изучение трудов Дж. Найа о многоликости (составной, обобщённой, синтетической, гибридной) «умной силе» выявляет парадокс, внешнеполитический нонсенс, суть которого заключается в концептуальном неразумии политики в целом вследствие дефицита в ней разума как глобальной балансирующей основы, принципиального отсутствия разумной силы в составе многокомпонентной умной мощи. Вся внешнеполитическая деятельность США насквозь пронизана умно-прагматичной политикой, трансформирующейся в современную стратегию «умной силы», направленной на сохранение статус-кво, доминирующего положения в мире. Однако в ней отсутствует здравый смысл и разумная составляющая, что делает процесс достижения договорённости с американской стороной весьма проблематичным, а в сочетании с американоцентризмом, «самонадеянностью силы» и государственным эгоизмом приводит к «парадоксу силы». «Парадокс силы» – зеркало, в котором, многогранно переплетаясь, отражаются внутренние и внешние проблемы страны, обнаруживающие в себе исторические корни её силовой внешней политики и взаимосвязанных с ней программно-концептуальных теорий. Но без целостного понимания мирополитической роли США в контексте их исторического развития невозможно постичь истинных причин феномена.

Мирополитическая роль США и концептуальные особенности их внешнеполитического курса

Стремительный взлёт Соединённых Штатов на мировой Олимп особенно ярко высвечивает переломные исторические моменты в их внешнеполитическом курсе, наряду с концептуальными особенностями их формирования. Представляется целесообразным выделить три стратегических периода внешнеполитических устремлений США: «изоляционизм» (1823–1916 гг.), «интервенционизм» (1917–1990 гг.), «гегемонизм» (1991–2015 гг.), предопределённых вектором развития долговременных доктрин (Дж. Монро, В. Вильсона, П. Вулфовица). В рамках этих периодов геополитических устремлений США наблюдаются структурные изменения внешнеполитической силы: от экспансионистской в XVIII–XIX веках, через политику «жёсткой силы» в XX веке, к пришедшей на рубеже XX–XXI веков интеллектуализации внешней политики

средствами «мягкой и умной силы», до усиливающейся ныне глобальной, гибридной силы будущего. Подтверждением служит фундаментальная теория силы Дж. Ная, которая продолжает развитие от «жесткой силы» через концепции «мягкой силы» и «умной мощи», переходя на новом уровне в «стратегию умной силы» и материализуясь во внешней политике США в глобальный инструмент властной стратегии лидерства [6].

Ретроспективный взгляд на мирополитическую роль США выявляет ряд концептуальных особенностей внешней политики страны, теории которой (доктрины, стратегии, концепции) суть программные проводники её стратегического курса, определяющие долгосрочную (среднесрочную, краткосрочную) политику и представляющие историческую альтернативу американской дипломатии. Соединённым Штатам, стране, возраст которой менее 250 лет, из-за длительной политики изоляционизма приходилось ликвидировать пробелы в дипломатическом опыте за счёт более активного внедрения различного рода концепций, в том числе и научных. Американские доктрины и концепции берут начало от Конституции США, которую создавали просвещённые люди своего времени, оставлявшие мудрое завещание потомкам: *ни во что не вмешиваться, не иметь никаких договоров и постоянных привязанностей, направлять усилия на процветание страны и народа, проводить разумную внешнюю и внутреннюю политику*. Историческое значение момента в разумности и прозорливости заветов умнейших людей Америки, выраженных в завещании Дж. Вашингтона и «доктрине Монро» [3].

Концептуальные вехи в истории США, отражающие основные принципы внешней политики страны, начали оформляться только в XIX веке. Знаковым событием в данном процессе стала внешнеполитическая «доктрина Монро», на которой затем строилась и осуществлялась международная политика Соединённых Штатов вплоть до XX века. Идея провозглашения обеих частей Американского континента зоной, закрытой для вмешательства европейских держав – «Америка для американцев» – принадлежала Дж. К. Адамсу, государственному секретарю в администрации президента Монро (1758–1831). Как политическая доктрина она была впервые изложена в июле 1823 г. Молодое американское государство связывало свои национальные интересы не с Европой, а с Американским континентом, фактически провозгласив себя в XIX веке защитником интересов Западного полушария и сосредоточив свою внешнюю политику на данном регионе. Почти 100 лет, вплоть до Первой мировой войны, Америка не проявляла особого интереса к европейским делам, которые в тот период были центром всей международной жизни. Эта политика «изоляционизма» в русле «доктрины Монро», т.е. сознательного самоустранения от европейской, а точнее мировой политики, разграничивала геополитические интересы с Европой, объявляя Американский континент своей зоной влияния. Притязания США на роль единственного хранителя безопасности Западного полушария ещё более усилились после окончания строительства Панамского канала (1870–1914), облегчавшего военно-морское господство США в Атлантике и на Тихом океане.

После войны с Испанией (1898 г.), ставшей первой для американцев захватнической войной за пределами континента, власть Вашингтона распространилась и на Тихоокеанский регион. Кроме того, США захватили Филиппины

пины, Пуэрто-Рико, Гуам, фактически превратив Кубу в свою колонию. На пороге XX века американские специалисты по стратегическому планированию активно занимались выработкой доктрин военно-морского господства в двух океанах – Атлантическом и Тихом, а американский военно-морской флот стал оспаривать господство Британии на морях. К тому времени концепция «изоляционизма» исчерпала себя, став стратегической предпосылкой для появления следующей доктрины развития – «интервенционизма».

Растущие геополитические амбиции США обеспечивались быстрой индустриализацией страны. Экономический потенциал государства к 1914 г. составлял уже 33% мирового валового продукта, что лишало Великобританию роли ведущей индустриальной державы. Первая мировая впервые дала возможность США перебросить свои войска в Европу и ознаменовала начало конца европейского господства над остальным миром. В ходе этой войны ни одна европейская держава не сумела показать своего заметного преобладания над остальными. На её исход существенное влияние оказало вступление в конфликт Америки. Страна, находившаяся в относительной изоляции, быстро переправила через Атлантику несколько сотен тысяч человек. Военная экспедиция стала первым свидетельством появления на мировой арене нового сильного игрока – Соединённых Штатов Америки. Война обусловила первые крупные дипломатические шаги США, направленные на применение силовых внешнеполитических принципов в решении европейских проблем. Взяв курс на мировое лидерство, американское общество сделало свой выбор вопреки завету отцов-основателей. Это стало ключевым, поворотным моментом в истории страны, произошёл принципиальный переход от политики континентального невмешательства к борьбе за глобальное доминирование.

Концептуальное обоснование основных принципов внешней политики США, начавшее оформляться ещё с начала XX века, наложило отпечаток на разработку мирополитических идей и воззрений вплоть до наших дней. В 1918 г. президент США В. Вильсон сформулировал знаменитые «14 пунктов», означавшие новые подходы в американской внешней политике к взаимоотношениям между государствами. Они включали требование свободы международной торговли и мореплавания, создание международной организации (Лиги Наций) для урегулирования межгосударственных конфликтов и решения общезначимых вопросов, признание права наций на самоопределение, и создание независимых государств и т.д. Краткий всплеск внешнеполитической активности США в тот период не обеспечил стабильного участия Америки в мировых делах. Страна вынужденно отступила на привычные позиции изоляции от европейской политики, укрепляясь в Тихоокеанском регионе. Несмотря на свою возросшую экономическую и военную мощь, США в 1920–1930 гг. предпочитали оставаться в тени мировой политики. Такая позиция согласовывалась с американской концепцией безопасности, которая базировалась на восприятии Америки как континентального острова. Стратегия США была направлена на защиту своих национальных границ и берегов, а международным и глобальным соображениям не уделялось должного внимания. По-прежнему основными международными игроками были европейские державы при всё более возрастающей роли милитаристской Японии.

Европейская эра в мировой политике пришла к окончательному завершению в ходе Второй мировой, действительно глобальной, войны. Поражение Германии означало усиление двух государств – Советского Союза и Соединённых Штатов – и незавершённого спора за мировое господство. Тегеранская конференция 1943 г. расставила акценты на послевоенном геополитическом развитии. Последующие 50 лет характеризовались формированием биполярной системы мирового порядка, в которой СССР и США играли роль противоборствующих центров силы. Советско-американская борьба за мировое господство предопределяла конфронтационную сущность системы международных отношений почти до начала 1990-х годов. Появление ядерного оружия означало, что война между двумя сверхдержавами приведёт не только к их взаимному уничтожению, но и к гибели значительной части человечества. Несмотря на многочисленные конфликты интересов в советско-американских взаимоотношениях, они отличались чрезвычайной выдержкой и сдержанностью: лидеры обеих стран избегали прямого военного столкновения из-за боязни ядерной войны.

В практике осуществления внешнеполитических теорий примечательна долговременная стратегия продвижения американского образа жизни, внедрение идей «демократии по-американски» («Пакс Американа»). Использование Соединёнными Штатами «мягкой силы» как инструмента демократизации – всего лишь часть стратегии, аргументирующей миссионерскую роль Америки. Экспансия США по установлению «мира по-американски» проявляется в форме «глобальной вовлечённости» в экономическую, политическую и культурную трансформацию мира [2].

Новейший период истории после окончания «холодной войны» ознаменовался переходом к однополярной системе международных отношений и к периоду американского «гегемонизма». Но доставшееся Соединённым Штатам после распада СССР мировое господство с началом нового века стало утрачиваться. «Новый мировой порядок» отчётливо проявился после событий 11 сентября 2001 г., когда Соединённые Штаты односторонне объявили себя вершителями судеб, самостоятельно решающими кто для них враг, представляющий угрозу национальным интересам. Напомним высказывание Дж. Буша-мл., адресованное всем странам мира после терактов 11 сентября: «Либо вы с нами, либо вы с террористами». Вашингтон подвергает мощному давлению те страны, политика которых вступает в противоречие с американским курсом.

После финансового кризиса 2008–2009 гг. экономика США так и не оправилась окончательно, причиной чему стали как внутренние, так и внешние факторы. Недолго продлились времена, когда Соединённые Штаты были единственной супердержавой. Мир становится свидетелем резкой поляризации стран Запада и Востока, формирования новых геополитических центров силы, стремящихся к валютно-финансовой и политической независимости. Несмотря на активное противодействие, Вашингтон не в силах препятствовать появлению и развитию новых центров, но принять новую мультицентричную реальность пока не готов. Чисто теоретически Вашингтон допускает ослабление своего влияния в мире, однако в ответных действиях способен пойти на любые меры.

Политика США исторически трансформировалась во времени через внешнеполитические концептуальные теории, программно реализующие её особенности в русле генерального курса страны. Доктрины и стратегии выражаются в глобальном плане, а концепции в локально-тактическом действии, демонстрируя явную преемственность, последовательность, взаимосвязанность американского стратегического курса в контексте идеологии, геополитики, интеллектуального потенциала. Так, одна из последних теоретических разработок – стратегия «умной силы», в определённой степени интегрированная во внешнюю политику страны, представляет собой мощную движущую силу, способную влиять на мировую политику и глобальные процессы.

Мирополитическая роль Соединённых Штатов, выраженная в терминах концептуальных теорий, сводится в основном к достижению стратегической цели – мировому лидерству, глобальному доминированию, и именно этому всегда была подчинена эволюция силы во внешней политике США. В основе этого стремления лежат идеологические и ресурсно-экономические мотивы. США были последовательны на своём пути к мировой вершине, достигнув которой, каждый раз испытывают некий кризис, снова оказываясь перед выбором дальнейшего пути развития. Почти все предыдущие кризисы Америка разрешала посредством успешных внешних завоеваний, расширения сферы влияния и обогащения за чужой счёт.

Первая экспансия началась сразу после обретения независимости с присоединения континентальных территорий Луизианы, Флориды, Техаса, Новой Мексики, Верхней Калифорнии, Орегона, Аляски и проходила на фоне провозглашения концепции «предопределённой судьбы» и доктрины Монро. Вторая волна расширения началась с присоединения Гавайских островов и победы над Испанией в морской войне, а закончилась Версальско-Вашингтонской системой, закрепившей исключительные права Соединённых Штатов Америки в Латинской Америке, Африке и Азии. Третья – стартовала с конца Второй мировой войны и с началом войны холодной, закрепив прочное доминирование США в Европе, Азии, на мировом океане, чему в немалой степени способствовало безраздельное господство доллара в мировых финансах. Четвёртая экспансия – продвижение Вашингтона в Евразию после падения социалистической системы и распада СССР, установление контроля над большей частью мира. Во всех этих случаях победы и неуклонное повышение уровня жизни убеждали граждан США, что их система государственного устройства уникальна и незаменима.

Восхождение Америки на мировой Олимп – последовательный путь от континентального господства к мировому завершён, но эйфория оказалась недолгой и борьбу надо начинать сначала. Существующему миропорядку противостоят уже новые центры сил. Следуя логике доктрины Вулфовица, США пытаются разрешить ситуацию в свою пользу, раскручивая новые витки конфронтации и разжигая очаги нестабильности вокруг них, консолидируя свои силы, в частности, против России, которую Вашингтон вновь объявляет одной из главных мировых угроз. Тем временем, на практике реализуются комбинации новейших глобальных мини-стратегий:

– информационно-пропагандистские, дезориентирующие, обманывающие мир через подконтрольные масс-медиа (телевидение, пресса, Интернет);

- финансово-экономические, наносящие большой урон экономикам стран (санкции, разрыв торговых отношений, финансово-юридическое давление);
- психо-технологические, манипулирующие сознанием масс на нужных территориях, демонстративно нагнетающие военную напряжённость вокруг России и в Азии (Сирия, Украина, манёвры НАТО, Ближний Восток);
- внутренне дестабилизирующие, подобие деятельности различных НКО в разных странах, включая технологии «цветных» революций.

Мини-стратегии – стратегии принципиально нового уровня, целевого воздействия глобально-регионального масштаба, своего рода, ноу-хау оптимизированной силы хаоса (доктрина С. Манна) – сочетают гибридность и масштаб действий с интеллектуальностью решений для достижения откровенно прагматических целей.

Таким образом, гибридная сила, содержащая в своей основе интегрированные компоненты концепции «умной силы», в современном развитии переходит в глобальную стратегию «умной силы» (*smart power strategy*) – фундаментальную теорию американской власти XXI века, интеллектуально оптимизирующую все виды многомерной силы.

Поскольку теория проверяется практикой, то стратегия «умной силы» совершенствуется путём её применения против разных мировых игроков. Грозные вызовы времени требуют не только от России осознания своих проблем и принятия разумных, ответственных мер для их разрешения на качественно ином уровне.

В целом надо признать, «умные» концепции и глобальные стратегии во внешнеполитической деятельности США оказывают серьёзное воздействие на политические проблемы международных отношений и глобального развития. Силы хаоса и разрушения помогают обновлять существующую реальность, вызывая ответную реакцию, противоположные процессы, ускоряющие развитие мирового сообщества, революционно меняющие систему международных отношений.

Влияние силы и разума на мировые процессы

Современная система международных отношений становится мультицентричной, и США пытаются установить в ней свой мировой порядок. Дж. Най напоминает о многочисленных факторах, влияющих на создание нового мирового порядка, многие из которых приобрели ключевое значение лишь в последние годы. Во-первых, глобализация, появление негосударственных институтов и формирование глобального информационного пространства. Во-вторых, информационная революция, развитие и внедрение информационных технологий практически во все сферы деятельности общества. В-третьих, активное использование в международных отношениях инструментов «мягкой силы» принуждения для достижения политических и экономических целей [9].

Обострение ситуации на мировой арене отражает глобальное противоборство стран Запада и новых центров сил, где на передний план выходит диалектическое противостояние категорий «силы» (хаоса) и «разума» в системе развития международных отношений. Состояние мира характеризуют разнонаправленные процессы стабилизации и дестабилизации.

Достижение стабильности (локальной, региональной, мировой) представляет собой разумное интеграционное направление действий, положительный вектор в международной политике; дестабилизация – отрицательный вектор разрушительной силы, процессы дезинтеграции. При отсутствии в мире другой равновеликой силы США действуют крайне самоуверенно, прагматично, односторонне, не особенно считаясь даже со своими союзниками.

В мире идут параллельные процессы как экономического поглощения ряда стран (Украина, Греция, Прибалтика, Балканы, Болгария, Молдавия) с помощью кредитно-финансовых схем и валютных механизмов, так и спровоцированных военных акций, разваливающих жизнедеятельность суверенных стран (Чехословакия, Югославия, Ливия, Сирия, Йемен), где явственно прослеживаются действия разрушительной силы деструктивного хаоса.

И напротив. Процесс единения становится главной движущей силой любого развития, обойтись без которого невозможно. Таким образом, по-настоящему разумным представляется объединение стран в стратегические союзы (ЕАЭС, БРИКС, ШОС), консолидирующих свои усилия, ресурсы, потенциалы в единую мощь будущего равноправного развития, что есть прямое проявление силы разума.

Если взглянуть на проблему с другой стороны, то эволюция средств разрушения, символизирующих глобальную силу, происходит гораздо быстрее, чем вызревание каких-то иных способов разумного применения силы во внешней политике. Причём это характерно для многих стран, включая и Россию. Дж. Кеннеди на одном из выступлений перед студентами Гарварда сказал, что один из парадоксов его правления и нового времени вообще состоит в огромных тратах, колоссальных ассигнованиях «на то, чего употребить нельзя» [ядерное оружие. – *К.К.*]. В принципе, это свидетельство отсутствия разума в планировании политики. Более того, попытки отыскать разумную составляющую в теории силы не привели к успеху. Проявление многогранной, многомерной, многоликой силы без разумного компонента несёт разрушительные, деструктивные последствия.

Каким образом разум влияет на разрешение возникающих мировых проблем? Калейдоскоп происходящих в мире событий демонстрирует проявление противоположных тенденций в мировой политике. Глобальная стратегия лидерства, выраженная на Западе в политике силы (санкции, давление на элиты, глобально-пропагандистская кампания против России, попытки её изоляции, втягивание в гонку вооружений и т.д.), уравнивается силой разума, намечающей осознанные взвешенные подходы в мировой политике. На мировой арене происходят ускоренные процессы, явно раскалывающие и поляризующие мировое сообщество, толкающие его к серьёзным конфликтам. Свежие примеры для изучения противоположных воздействий силы и разума на процессы в мировой политике дают события на Украине и Ближнем Востоке, где проблемы мирового сообщества трансформируются в усилия неразумной, агрессивной политики, с одной стороны, и в сознательные, разумно-созидательные действия – с другой.

* * *

В завершение темы выделим главное. В мире идёт закономерный последовательный процесс накопления знаний, который, наконец-то, в XXI веке при

водит к понятию «умной силы» в силовой политике США и коллективно-разумной силы в глобальной политике лидерства. Америка продолжает привычно решать свои геополитические задачи с помощью универсальных инструментов давления и прагматичной силы, но очевидно, что одним только применением военной мощи они не разрешаются, следует сообща искать консенсус, находить критерии разумности в мировой политике.

Отсутствие разумной составляющей во внешней политике США – уникальный парадокс, имеющий важнейшие последствия в мире. Апелляция к разуму, возникающая вследствие применения силы одной частью стран, у других проявляется в объединительных тенденциях, ускоряющих их эволюцию. Однако договариваться со странами, во внешнеполитической практике которых нет разумной составляющей, очень непросто. Учитывая пестроту политических систем, их исторический опыт, степень разумности лидеров стран, продемонстрировать союз силы и интеллекта может не каждая система. Во времена «холодной войны» ответ на вызовы измерялся количеством ракет. Текущий момент характеризуется тем, что «жёсткая сила», будучи фоновой основой, перестаёт играть решающую роль. Конечно, есть исключения в мировой практике, но общая тенденция обнаруживает процесс интеллектуализации в решении международных политических проблем, который всё более нуждается в научном подходе, в том числе на основе теории принятия решений. Актуальность и глубина в сочетании со строго научным подходом в проблематике силы отмечается в комплексном теоретическом исследовании О.В. Столетова по проблемам эволюции властных стратегий в глобальной политике и практике их реализации в условиях борьбы за лидерство, в которых стратегия «разумной силы» рассматривается как стратегии глобального лидерства нового типа [4].

Отказываться ли от жёсткой силы, пытаться ли использовать её по-умному, порознь или совместно, когда не хватает единой политической воли, и как эффективно её применять? Сила есть, а результатов нет, и хотя в политике действуют свои правила, согласно закону физики: чем сильнее действие, тем сильнее противодействие. Попытки найти эффективное решение проблеме непрямого применения силы старыми инструментами (МВФ, ОПЕК, ВТО) срываются не всегда, а апробация новейших методов приводит к непредсказуемым результатам, которые не оправдывают вложенных средств, портят имидж, грозят катастрофическими глобальными последствиями (Украина, ИГИЛ, хаос на Ближнем Востоке, лавина беженцев в Европу).

На мировом политическом пространстве Соединённые Штаты, наращивая мощь, продолжают в основном делать ставку на жёстко-прагматичную силу, однако и они вынуждены не только считаться с рядом внешних и внутренних факторов, но и действовать не напролом или напрямую, а опосредованно через другие силы и страны, минимизируя затрачиваемые ресурсы. На этом пути США в диалектическом противоборстве встречают полярную, конструктивную силу разума, преобразующую систему международных отношений. Сегодня Америка снова находится на историческом перепутье, перед выбором дальнейшего пути развития, но уже в том состоянии, в котором крайне затруднительно решать свои проблемы в одиночку. «Парадокс силы», преследующий её внешнюю политику, лишь подчёркивает тщетность усилий по достижению

мирового господства, высвечивая признаки потенциального ослабления страны. Достигнут ли США своей глобальной цели на пути реализации идеи мирового лидерства или им предстоит пережить закат империи? Вопрос скорее исторический, имеющий особую значимость в свете актуального прогноза Дж. Ная в его книге «Завершен ли американский век?».

Феномен «парадокса силы» оставляет вопрос применения силы и её последствий открытым. Однако известно, что осознание своих проблем способствует их решению, поэтому важнейшей задачей для человечества, погрязшего в неисчислимых конфликтах, остаётся объединение прогрессивных усилий, чтобы заставить заработать силу разрушения на общественно-благоразумные, мирные цели. Множество событий, сплетаясь в непрерывном движении, подчиняясь общим закономерностям, тенденциям, факторам, создают целостное мировое полотно – мгновение мира, в котором разуму принадлежит главенствующая роль.

Список литературы

1. *Богатуров А.Д.* Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике, 2004, №6 (ноябрь-декабрь). [*Bogaturov A.D.* The Origin of American Behavior // Russia in Global Politics, №6, November/December 2004.].
2. *Золов А. В.* США: борьба за мировое лидерство (К истории американской внешней политики. XX век) // Учебное пособие в 2-х частях // Ч. 1. Калининград, 2000, 100 с. [*Zolov A.V.* THE U.S.A.: Fighting for the World Leadership (On the History of U.S. Foreign Policy. The 20th Century) Textbook in 2 Parts// Part 1. Kaliningrad, 2000, 100 p.].
3. Прощальное послание Дж. Вашингтона. [The Farewell Message of G. Washington]. <http://www.grinchevskiy.ru/19/doktrina-monro.php>.
4. *Столетов О.В.* «Стратегия "разумной силы" в политике глобального лидерства», диссертация на соискание учёной степени к.п.н., 2014, 250 с. [*Stoletov O.V.* The Smart Power Strategy in the Global Leadership Policy. Thesis for the PhD degree, 2014, 250 p.].
5. *Fulbright W.J.* The Arrogance of Power. New York: Random House 1967, 284 p.
6. *Kaplan R.* The Revenge of Geography: What The Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. New York: Random House, 2012, 403 p.
7. Nye J. Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs, 2009, Vol.88, No.4 (July/August), p. 160-163.
8. Nye J. Jr. Is the American Century Over? // Polity, 2015, 152 p.
9. Nye J. Jr. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011, 320 p.
10. Nye J. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004, 191 p.

Paradox of Power in U.S. Foreign Policy

(USA ❖ Canada Journal 2016, No. 3, p. 85-100)

Received 28.10.2015.

KOZLOV Korney Viktorovich, Institute of the USA and Canada studies, Russian Academy of Sciences. 2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation (korneykozlov@gmail.com).

*The article deals with the paradox of power phenomenon in the U.S. foreign policy. How to explain that a powerful nation with a huge arsenal of foreign policy arguments and instruments fails to achieve tangible results, and gets a chain of disgraceful defeats instead (Vietnam, Iraq, Afghanistan). These failures reflect quite a lot of internal and external issues of the nation development. **Keywords:** U.S. foreign policy, the paradox of power, J. Nye-Jr., soft power, smart power, the concept of smart power, the strategy of smart power, power and reason in world politics.*

About the author.

KOZLOV Korney Viktorovich, post-graduate.